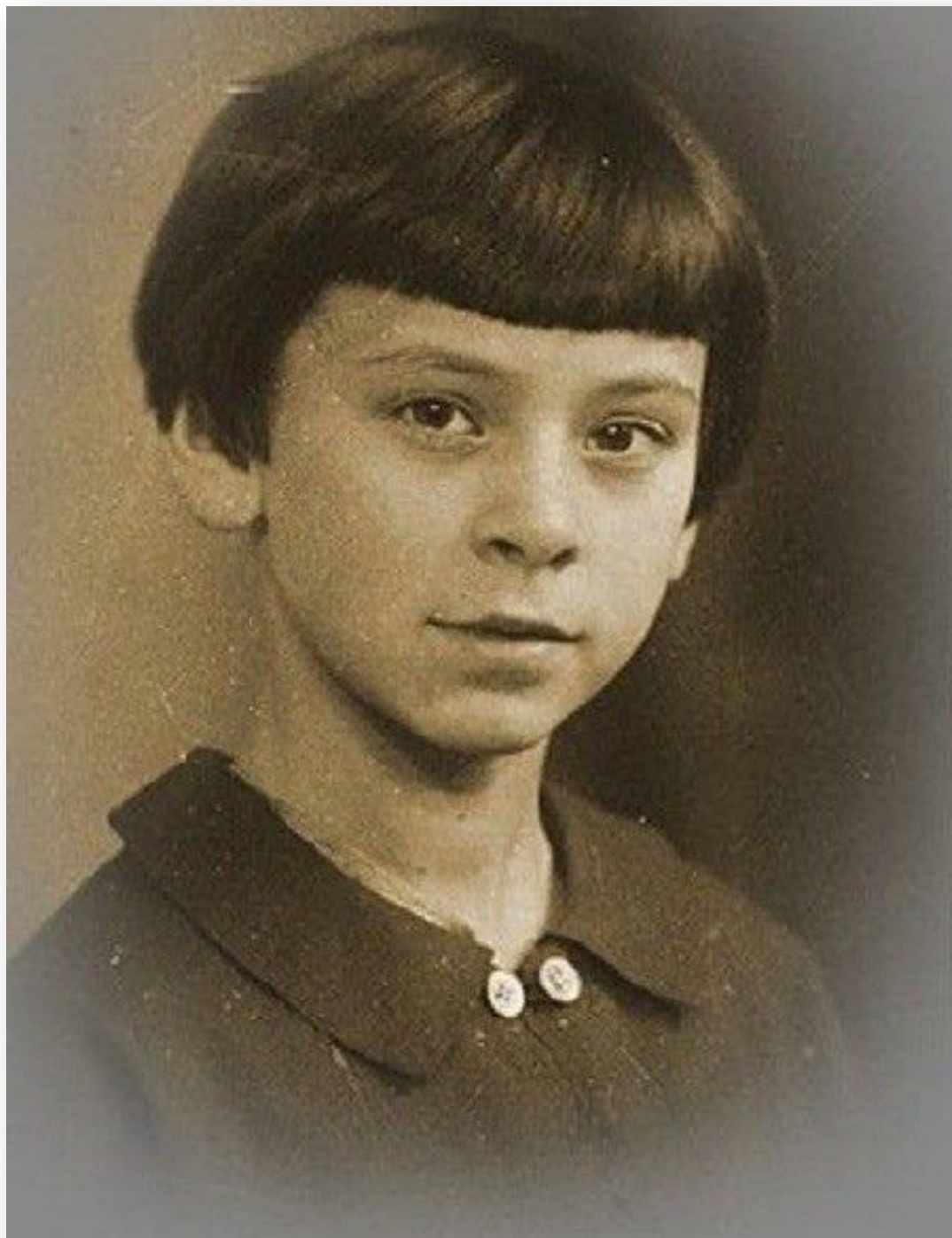

Дневник другой Тани.

В блокадном Ленинграде случались чудеса.

Таня Вассоевич

На всю страну известен лишь дневник Тани Савичевой, который содержит девять страшных строк. Каждая посвящена смерти одного из близких. Последняя запись: «Осталась одна Таня».

Но есть еще один блокадный дневник другой ленинградской школьницы, **Тани Вассоевич**. Они обе жили на Васильевском острове. Таня Савичева сначала ослепла, потом сошла с ума от пережитого и умерла в эвакуации. Скупые строки её дневника стали обвинительным документом на Нюрнбергском процессе. Таня Вассоевич выжила и ушла из жизни в январе 2012 г.

Дневники двух Тань — как две стороны медали. Тёмная сторона — трагическая смерть, светлая — победа выживших.

Подвиг Тани

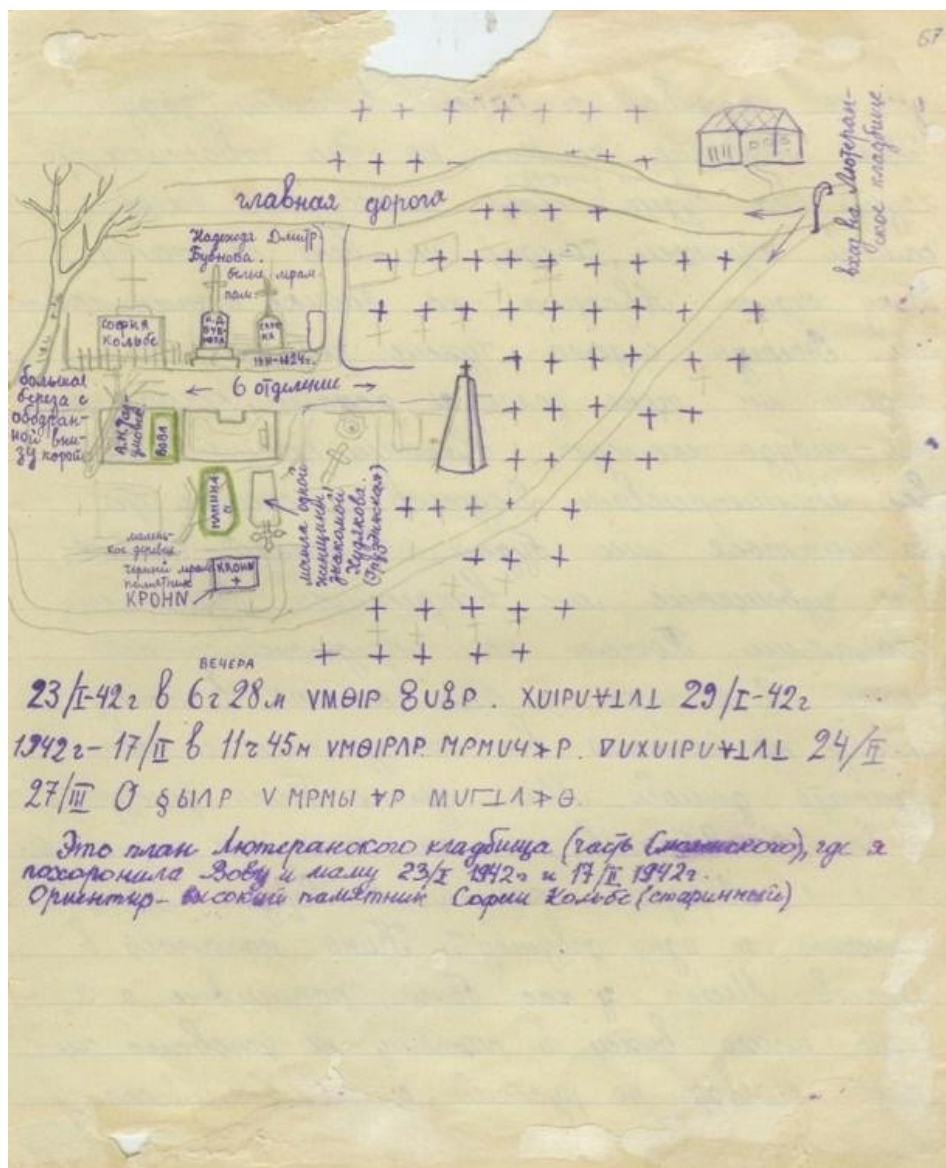
Дневник Тани Вассоевич хранится в доме её сына, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Андрея Вассоевича.

Таня начала делать записи 22 июня 1941 г. Здесь и первые бомбардировки Ленинграда, и 18 июля 1941 г., когда кольцо вокруг города ещё не сомкнулось, но уже были введены карточки на продукты. В сентябре — первое занятие в художественной школе, которое не состоялось: **«Наш преподаватель, сложив мольберт, сказал, что идёт добровольцем на фронт»**. Занятия в средней школе начались в ноябре: **«Наш класс был почти в полном составе» (потом в классе их останется двое мальчиков и девять девочек из сорока)**. Таня описывает бесконечное стояние в очередях за порцией хлеба, которая для детей и неработающих за несколько месяцев ужалась с 400 г в день до 125 грамм. Они варили столярный клей и ели его.

Как великое счастье Таня описывает случай, когда они стояли в очереди за продуктами вместе с одноклассником и им досталась дуранда (спрессованная плитка из шелухи подсолнуха). Для покупки продуктов по карточкам были нужны деньги, а в их семье средств катастрофически не хватало. И старший брат, вместо того чтобы съесть свою порцию хлеба, продавал её на рынке, а деньги отдавал маме, чтобы она могла отоварить новые карточки. Он делал это, пока мама не догадалась и не запретила так поступать.

Старший брат девочки, 15-летний Володя, умер от голода 23 января 1942 г. в 6.28 — записано в дневнике. А Таниной мамы, Ксении Платоновны, не стало 17 февраля 1942 г. в 11.45. «Той зимой в городе умирало более 4 тысяч человек в день. Трупы собирали и хоронили в братских могилах. На Пискаревском кладбище в братских могилах похоронено более полумиллиона человек, — говорит профессор Вассоевич. — Таня, будучи 13-летней девочкой, на оставшиеся деньги купила для брата гроб. Её мама этим заниматься уже не могла, она от слабости не вставала». Смоленское кладбище города было закрыто, там не принимали покойников, однако Таня уговорила сторожа вырыть могилы. Из дневника: «На похоронах брата была тётя Люся, я и Толя Таквелин — Вовин лучший друг и одноклассник. Толя плакал — это растрогало меня больше всего. На похоронах мамы была я и Люся. Вова и мама похоронены в настоящих гробах, которые я покупала на Среднем проспекте у второй линии. Худяков (сторож на кладбище) вырыл могилы за крупу и хлеб. Он хороший и был добр ко мне».

Когда умерла Танина мама, её тело лежало в квартире 9 дней, прежде чем девочка смогла организовать новые похороны. В дневнике она нарисовала план участка (см. рисунок Тани) и отметила места захоронения близких в надежде, что, если выживет, обязательно установит на могилах памятники.

Так и произошло. На рисунке с кладбищем Таня, обозначая даты смерти брата и мамы и их похороны, использовала придуманный ею шифр: она понимала, что родственников на закрытом Смоленском кладбище похоронила полулегально. Лишь потому, что сторож Худяков был тронут её детской заботой и пошёл навстречу просьбе ребёнка. Измождённый не меньше других, он рыл могилы в почти сорокаградусный мороз, подкрепившись кусочком хлеба, который Таня получила по карточке умершего брата. Потом она рассказывала сыну, профессору Андрею Вассоевичу, что по-настоящему страшно ей стало, когда она оформляла свидетельство о смерти брата: «Регистратор в поликлинике достала карточку Вассоевича Владимира Николаевича и крупным почерком написала слово «умер».

«Мама и её погибший старший брат были очень близки, — рассказывает Андрей Вассоевич. — Владимир увлекался биологией, вся их квартира была уставлена цветами, а для сестры он устроил аквариум с рыбками. В 1941-1942 гг. в Ленинграде была небывало холодная и снежная зима. Люди ставили в квартирах буржуйки, топили их мебелью. Мама с братом кутались в одеяло и чертили планы дворцов с бассейнами, рисовали оранжереи. Недаром мама после войны поступила в институт на архитектурный факультет. В блокадную пору в их районе на Васильевском острове продолжала работать библиотека, куда они ходили за книгами. Мама говорила, что никогда не читала столько, как во время блокады. А её мама, пока были силы, каждый день дежурила на крыше — караулила зажигательные бомбы. Артобстрелы и бомбардировки были каждодневными. Ленинград не просто был в кольце

блокады, за него все эти почти 900 дней шли бои. Ленинградская битва была самой длинной за всю историю войны. В директиве Гитлера № 1601 от 22 сентября 1941 г. о Ленинграде чёрным по белому сказано: «стереть город с лица земли», а про его жителей: «мы не заинтересованы в сохранении населения».

После потери мамы и брата весной 1942 г. с Таней произошло чудо. В её опустевшей квартире стояла глыба льда — подарок брата, замёрзший аквариум с застывшими во льду рыбками. Когда лёд растаял, с ним оттаяла и одна золотая рыбка и вновь начала плавать. Эта история — метафора всей блокады: врагу казалось, что город должен быть мёртв, выжить в нём невозможно. Но он выжил.

Память сердца

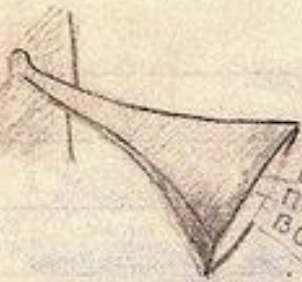
«В 90-х годах стало модным говорить о том, что в Ленинграде процветал каннибализм, а люди потеряли человеческий облик, — маму это страшно возмущало. Вопиющие единичные случаи пытались представить массовым явлением. Мама вспоминала, как к ним пришла учительница музыки и сказала, что её муж умер от голода, а Володя воскликнул, что если бы он знал, то отдал бы ему свой хлеб. А через несколько дней не стало его самого. Мама часто вспоминала благородные поступки блокадников. Её дневник перекликается с тем, что писала пережившая блокаду поэт Ольга Берггольц: «... мы счастье страшное открыли — /Достоинно не воспетое пока,- /Когда последней коркою делились, /Последнею щепоткой табака». «Город выжил, потому что люди думали не о себе, а о других», — говорит профессор Вассоевич.

«Чувство долга», «дружба» — это слова из Таниного дневника. Когда она узнала, что умер папа её лучшей подруги, которая была в эвакуации, она похоронила его рядом со своим братом: «Я не могла, чтобы он остался на улице». На похороны голодная девочка потратила последние крохи продуктов.

Весной 1942 г. Таню эвакуировали из Ленинграда. Несколько недель на разных эшелонах она добиралась до Алма-Аты, храня как зеницу ока дневник и фотографии близких. В эвакуации Таня наконец встретилась с отцом — известным геологом-нефтяником. Когда сомкнулось блокадное кольцо, он был в командировке и оказался оторванным от семьи. Оба после войны вернулись в Ленинград. В родном городе Таня сразу же пошла к лучшему другу своего покойного брата, Толе, тому самому, что плакал на похоронах. От его мамы она узнала, что юноша умер вскоре после её брата. Таня пыталась найти ещё четырёх друзей Володи — все они умерли в блокаду. Татьяна Николаевна много лет своей жизни посвятила преподаванию детям живописи. И всегда говорила им: «Ведите дневник, потому что дневник — это история!

Ленинград не был стёрт с лица земли. Можем ли мы сегодня сказать то же самое о нашей памяти о войне? Не стирается ли она в нашем сердце? Горько, что 95 страниц дневника 13-летней школьницы-блокадницы не изданы. Из него современные подростки могли бы узнать о войне больше, чем из некоторых учебников и современных фильмов.

22 июня 1941 года.

Внимание, слушайте
 передаем речь т. Молотова
 война с Германией

22-июня.

В 12 часов дня объяви-
 ли что началась вой-
 на. По радио выступи-
 лал т. Молотов с
 речью. М Р М Р = ∇ Л Р =

Ж Р Л Р. О-У Л Ы З Р Л Р О Б

22/VI. Ночью была

первая настоящая
 тревога, но она через 5 минут кончилась и все обо-
 шлось благополучно.

Весь день 22-го прошли в хлопотах: бегали с Зовой и
 Машей по магазинам и в Сберкассе.

Нам жакет принимает соответствующие с вой-
 ной меры; навозит песок, достраивает бомбо-
 убежище, пока дети дома спускаются к нам в I этаж

а ужи были на окнах.

26 июля. Ура эвакуировалась с мамой, Зина
и т. Каташей в Ташкент.

8/IX. I^я бомбежка Ленинграда.

Взрыв в 7-8 вечера - тревога.

Сильно стреляли зенитки, мы очень испугались.

Т.к. думали, что это рвутся бомбы.

Я побежала в бомбоубежище, мама на посто-
вый пост.

Когда тревога кончилась и мы вышли, то
я увидела на голубом небе большое

розовое облако,

о внима-

то самое

розовое

и,

и на

дом от пожара. Я с Урой побежали
мать. Все обсуждали, что могло гореть

На окопах

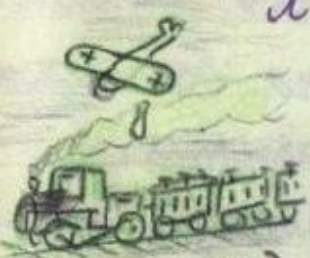
я

23го июля к нам пришла управдомше и сказала: „срочно собирайтесь через час вы поедете на труд-работы в Красное село.“

спасайся кто может.

Я и Вова собрались и вышли к воротам.

да или нет?

Путь была уже Ира и ее тетьа Наталья Венеславна. Оказывает-

дядюшка-балах

ся из всего дома мы были самыми подхо-дящими работиши.

ира

Итак 2 человека из Вассовичей и 2 из Разумовских — такова рабочая сила дома

„Размещайтесь на носиле“

ул 39 по б.л. В.О.р-на

укрепления готово

1 лопата на 100 человек.

наше БОМБОУБЕЖИЩЕ

Наше бомбоубежище. Набросок М. Васильева 1941г.

Когда начали бомбятки, я стала ходить в бомбоубежище. Командиром б-уб. была Наминская (сестра попутника дома Федоровой). Я, Галия Мишончук и Юлия Анурьева были самыми старшими и должны были следить за порядком, помогать Наминской убирать и топить убежище.

1 мая. Мы едем мимо полей. Все еще не
верится, что мы едем, так надоело стоять
в Пензе. Дню мы проехали хорошо, но
к вечеру машин стал останавливаться
подолгу на разъездах, а потом стал на
станции.

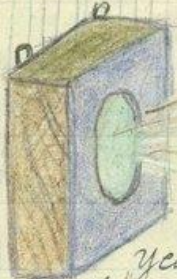
Сменяла Вовину шубу на 3 кг масла + 200р

Сингае ераоли, это коши- лаев война. 9 мая 5230 мин.

Я встала в 32.45 м. ночи. Куно-миной будильник превонит.
Я встаю. Долго не могу найти спячек. Мне пощип-то асупко.
Но я сейчас за уроки. Третьяка юкори косил! Как погетад спар.
Я упи два два спно гоа по гитре. Делаю вальки уроченный,
зубки не закуть. Рассветаю. 52. с минутами. На II этапе впе-
запно я поднимаюся шри, слышать голоса крики.

Простылаяя Мад, спраш, что это? Я говорю: „не я
знаю, наверное кончилась война!“ Говорю сов-
сем спокойно, хотя возможно, это война кончи-
лась. Включая радио: „... капитуляция Германии!“

Все соседи в растрепанной
состоянии (внани и внут-
ринне) вышли на балкон.
Я была в комнате одна.

Вот, только одна Мад может слышать конец
войны, а сколько людей, да протом ЗУР=МРМР- не могут
услышать ее. $\sigma = \gamma \rho \chi \rho \rho$ почти $\rho \gamma \rho \rho \rho \rho \rho$, но приняла Ма-
ся. Кругом крики: „ура!“, слышат из ружий. Я пришла в несо-
му. Там все гитре 8 и над Яковл. Девочки украшают школу.
Я строго берушь пласть плакат, хотя никогда не пробовала. Но
мелкое — неслани, а око у мид было очень сильно; и вот,
безв крайное паютище и вооружи милом, я сама писарь.

СЛАВА ГЕРОДАМ ПОБЕДЫ!

Плакат летал на площади-
не школы. Кругом соями
двогем и нии. Как только кто-либо подводит все круга-
ми: „ура, ура, ура!“ И.к. — ва кб. Я писала, пиа, кричала „ура!“ —
все вместе. Так здорово! Я действительно чувствую, что
победа, я рада ей, мне хотеть пласть красивой плакат.
Народу все больше. Принимли почти все учителя.
Девочки стали танцовать, прямо здесь же, перед шко-
лой, потом урать в гитре шри. Все кругом как-